

Le comité des travaux historiques et scientifiques.

Въ концѣ 1884 г. исполнилось 50 лѣтъ со времени учрежденія во Франціи „комитета историческихъ и научныхъ трудовъ“. Не смотря на свое сравнительно кратковременное существованіе, комитетъ успѣлъ съ одной стороны не разъ подвергнуться преобразованію въ своей внутренней организаціи, а съ другой—пріобрѣсть громадное вліяніе на ходъ развитія научной дѣятельности во Франціи и обнародовать нѣсколько сотъ томовъ разнообразныхъ документовъ и трудовъ. Чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ полувѣковой юбилей такой блестящей дѣятельности, главный секретарь комитета, Xavier Charmes рѣшился собрать и издать важнѣйшіе документы, разъясняющіе возникновеніе, развитіе, преобразованія и настоящее положеніе этого учрежденія. Документовъ оказалось такъ много, что они заняли собою цѣлыхъ три тома in 4°, до 700 стр. въ каждомъ¹⁾. Сюда вошли указы объ учрежденіи, переименованіи и преобразованіи комитета, проекты этихъ преобразованій съ болѣе или менѣе обстоятельною мотивировкою предлагаемыхъ реформъ, циркуляры министровъ на имя префектовъ, ученыхъ корреспондентовъ, ректоровъ университетовъ и академій, предсѣдателей ученыхъ обществъ съ предложеніемъ такъ или иначе принять участіе въ научныхъ предпріятіяхъ и работахъ комитета, инструкціи для собиранія или описанія всевозможныхъ историческихъ памятниковъ и вообще предметовъ, представляющихъ извѣстный научный интересъ, программы ученыхъ стѣздовъ, от-

¹⁾ Le comité des travaux historiques et scientifiques (histoire et documents) par Xavier Charmes. Paris. 1886. 3 vol. in 4°.

четы комитета и отдѣльныхъ его членовъ о ходѣ ихъ научныхъ занятій и пр. и пр. Располагая столь обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, издатель составилъ по немъ краткій очеркъ исторіи комитета и приложилъ его, въ видѣ предисловія, къ первому тому документовъ. Къ сожалѣнію, авторъ въ своей исторической запискѣ почти исключительно говоритъ о тѣхъ преобразованіяхъ, какія испыталь комитетъ за послѣднія 50 лѣтъ, и уклоняется отъ оцѣнки его научной дѣятельности, заявляя, что еще не пришло время писать исторію комитета, вѣроятно потому, что неудобно съ должнымъ безпристрастіемъ говорить о живыхъ современникахъ. Впрочемъ, изданные имъ документы до извѣстной степени даютъ возможность восполнить допущенный авторомъ пробѣлъ, что мы и попытаемся сдѣлать въ настоящей статьѣ.

Хотя комитетъ учрежденъ въ 1834 г., во времена министерства Гизо, но выработанная для него программа дѣятельности сразу получила такіе широкіе размѣры и такую опредѣленность, что невольно возникалъ вопросъ, не воспользовался ли здѣсь Гизо чѣмъ либо изъ прошлаго, не было ли у комитета какого нибудь предшественника, преслѣдовавшаго раньше до извѣстной степени тѣ же цѣли и задачи? Еще Делиль ¹⁾ въ своемъ отчетѣ о дѣятельности комитета за 40 л. его существованія (1874) указывалъ на главнаго контролера половины XVIII в. Bertin'a, какъ на предшественника Гизо по стремленію способствовать развитію французкой исторіографіи, но вполне этотъ вопросъ разъясненъ лишь теперь Шармомъ, посвятившимъ ему половину исторической записки и весь первый томъ документовъ.

Зерномъ, изъ котораго выросъ комитетъ, преслѣдующій теперь исключительно научные интересы, послужила библіотека, открытая въ 1759 г. при министерствѣ финансовъ, по предложенію одного изъ его чиновниковъ, Моро (Moreau), для цѣлей чисто практическихъ. Въ этой библіотекѣ первоначально имѣлось въ виду ²⁾ собрать всѣ печатныя изданія ордонансовъ, указовъ, уставовъ, правилъ и вообще распоряженій правительства, а равно и сочиненія юристовъ, съ тою цѣлію, чтобы главный контролеръ всегда имѣлъ возможность справиться

¹⁾ Rapports au ministre sur la collection des documents inédits de l'histoire de France et sur les actes du Comité de travaux historiques. Paris. 1874. p. 4.

²⁾ I, p. 4.

не только о тѣхъ законахъ, на основаніи которыхъ дѣйствуютъ тѣ или другія административныя учрежденія, но и о мотивахъ, подъ вліяніемъ которыхъ изданы были эти законы, и о возраженіяхъ компетентныхъ людей противъ примѣненія ихъ на практикѣ. Предлагая учрежденіе подобной бібліотеки, Моро преслѣдовалъ сперва частію служебные интересы—облегченіе производства контроля надъ дѣйствіями администраціи, а частію личныя—подготовленіе для себя, какъ будущаго бібліотекаря, теплаго и самостоятельнаго мѣстечка.

Добившись учрежденія бібліотеки и завѣдыванія ею, Моро обнаружилъ замѣчательное искусство въ приобрѣтеніи для нея отовсюду даромъ нужныхъ книгъ и документовъ. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени открытія бібліотеки, какъ въ ней уже собрано было до 1500 томовъ ¹⁾, и отведенное для нея помѣщеніе въ Версали оказалось очень тѣснымъ. Подъ предлогомъ, что составъ бібліотеки не достаточенъ для производимыхъ въ ней работъ, Моро настоялъ на необходимости перевести ее изъ Версали въ Парижъ и причислить къ королевской бібліотекѣ, изъ богатыхъ собраній которой легко будетъ доставать необходимые матерьялы ²⁾. Но такъ какъ подобный переносъ бібліотеки министерства финансовъ въ королевскую грозилъ повлечь за собою полное ихъ сліяніе, а слѣдовательно и потерю для Моро самостоятельнаго положенія, то у него возникла мысль придать своей бібліотекѣ нѣсколько иной характеръ.

Еще раньше, собирая правительственныя распоряженія, Моро убѣдился, что многія изъ нихъ не были напечатаны, и потому ихъ приходилось доставать въ копіи; точно такія же копіи ему понадобились и съ регистровъ парижскаго парламента. Собранный имъ печатный и рукописный матеріалъ заинтересовалъ членовъ академіи надписей С. Палэ, Фонсеманя и Брекиньи, давно уже занимавшихся составленіемъ хронологической таблицы всѣхъ изданныхъ королевскихъ документовъ, и вѣроятно подъ ихъ вліяніемъ Моро задумалъ теперь свою бібліотеку превратить главнымъ образомъ въ депо всевозможныхъ документовъ, такъ или иначе разъясняющихъ государственное право и его исторію. Исходя изъ убѣжденія, высказаннаго Монтескье, что законы разъясняются съ помощію исторіи, и что исторія въ свою

¹⁾ I, p. 16.

²⁾ I, p. 18.

очередь должна быть основана къ изученіи законодательныхъ памятниковъ, Моро предлагаетъ ¹⁾ главному контролеру сдѣлать бібліотеку министерства финансовъ центральнымъ депо, гдѣ бы находились на храненіи какъ новые законы, такъ и всѣ изданные раньше. А такъ какъ въ средніе вѣка законодательная дѣятельность королей проявлялась по преимуществу въ изданіи грамотъ, то собраніе и храненіе ихъ въ оригиналѣ, или въ копіяхъ, или по крайней мѣрѣ собраніе свѣдѣній объ ихъ содержаніи и мѣстѣ нахождения, указывается въ докладѣ Моро, какъ основаніе для продолженія самостоятельнаго существованія бібліотеки министерства финансовъ. При такой постановкѣ вопроса, очевидно, практическія цѣли, съ которыми основана была эта бібліотека, отодвигались на задній планъ, а на первый—выдвигались чисто научные интересы. Тогдашній гл. контролеръ Bertin вполне вошелъ въ планы Моро и энергично содѣйствовалъ ихъ осуществленію на дѣлѣ.

Чтобы собирать грамоты въ оригиналѣ или въ копіяхъ, прежде всего нужно было знать, гдѣ онѣ находятся, умѣть ихъ прочесть, списать и оцѣнить. Такія чисто ученныя свѣдѣнія въ XVIII в. скорѣе всего можно было найти у знаменитой конгрегации св. Мавра, члены которой въ Парижѣ занимались изданіемъ коллекцій французскихъ историческихъ писателей, житій святыхъ, соборныхъ актовъ, а въ провинціяхъ—разработкою мѣстной исторіи. Къ ней и обратился Bertin съ предложеніемъ ²⁾ помочь въ осуществленіи плана Моро и получилъ самое любезное согласіе ³⁾. Заручившись содѣйствіемъ мавріанцевъ, Моро и Бертенъ составили планъ какъ, что и гдѣ слѣдуетъ собирать. Въ выработкѣ этого плана и въ попыткахъ къ приведенію его въ исполненіе и сказалось всего больше вліяніе Бертеня на образованіе депо грамотъ, хотя самая инициатива этого предпріятія безспорно должна быть приписана Моро, а не его начальнику, какъ раньше думалъ Делиль. Моро, въ виду невозможности собрать въ депо всѣ грамоты, предлагалъ ⁴⁾ изъ казенныхъ архивовъ извлекать одни регистры и инвентари, съ помощію которыхъ въ центральномъ депо можно было бы знать, что гдѣ хранится,

¹⁾ I, p. 29—33.

²⁾ I, p. 33.

³⁾ I, p. 35.

⁴⁾ I, p. 37—41.

и въ случаѣ нужды безъ труда пайти тамъ требуемые документы, такъ какъ доступъ въ подобныя архивы всегда будетъ открытъ для людей, дѣйствующихъ по распоряженію министра. Что же касается до частныхъ архивовъ, принадлежавшихъ церкви, городамъ, дворянамъ, любителямъ древностей и пр., то Моро на первый разъ предлагалъ ограничиться собираніемъ свѣдѣній о мѣстѣ ихъ нахожденія и составленіемъ ихъ общаго описанія, при чемъ мавріанцы, на которыхъ предполагалось возложить это порученіе, должны были по своему усмотрѣнію болѣе важныя документы переписывать вполнѣ, а о менѣе важныхъ дѣлать тѣ или иныя краткія замѣтки. Бертенъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ Моро относительно казенныхъ архивовъ; но по отношенію къ частымъ онъ нашелъ его планъ недостаточнымъ. По мнѣнію Бертеня ¹⁾, частныя архивы скорѣе могутъ подвергнуться опасности погибнуть отъ пожара, расхищенія и пр., чѣмъ казенныя, и потому разъ доступъ въ нихъ будетъ открытъ, необходимо поскорѣе сдѣлать точныя копіи со всѣхъ найденныхъ тамъ оригинальныхъ грамотъ; поручать тутъ выборъ и оцѣнку усмотрѣнію мавріанцевъ неудобно уже потому, что они, какъ монахи, естественно, расположены интересоваться болѣе всего тѣмъ, что касается исторіи церкви, а не государства; тогда какъ въ центральномъ депо имѣется въ виду собрать именно документы, разъясняющіе исторію развитія монархической власти во Франціи; самую оцѣнку документовъ по тому же самому лучше производить въ Парижѣ, въ центральномъ депо, при содѣйствіи такихъ ученыхъ людей, какъ напр. Брекини. Разумѣется, поправки министра были признаны вполнѣ основательными; вмѣстѣ съ тѣмъ положено было основаніе для организаціи при депо особаго кружка ученыхъ, который долженъ былъ заниматься разсмотрѣніемъ, оцѣнкою, сортировкою и инвентированіемъ присылаемыхъ отовсюду документовъ.

Какъ при собираніи книгъ въ библіотеку, такъ и при организаціи депо грамотъ, Моро обнаружилъ замѣчательное умѣнье пользоваться обстоятельствами для составленія въ послѣднемъ громадной коллекціи съ самыми ничтожными средствами. Онъ убѣдилъ напр. Бертеня разослать циркуляры ²⁾ на имя интендантовъ, предсѣдателей

¹⁾ I, p. 41—44.

²⁾ I, p. 90, 105, 113, 115, 118.

и главных прокуроровъ провинціальныхъ парламентовъ и судовъ съ требованіемъ съ одной стороны прислать въ депо описаніе завѣдуемыхъ ими казенныхъ архивовъ, копіи съ ихъ инвентарей и регистровъ, а съ другой—собрать свѣдѣнія о частныхъ архивахъ, находящихся въ ихъ округѣ. Чтобы доставить мавріанцамъ больше легкой доступъ въ эти частные архивы, Моро предложилъ министру выдать рекомендабельныя письма тѣмъ изъ нихъ, которые на дѣлѣ заявятъ о своей готовности и умѣньи обращаться съ древними хартіями; а чтобы самихъ мавріанцевъ склонить къ болѣе энергичной дѣятельности, онъ выхлопотывалъ ¹⁾ для нихъ средства на покрытіе издержекъ во время занятій въ архивахъ, а для нѣкоторыхъ—и небольшія пенсіи или бенефиціи ²⁾.

Если Моро является главнымъ организаторомъ административной части въ депо грамотъ, то ученымъ руководителемъ по собиранію и оцѣнкѣ документовъ несомнѣнно сдѣлался Брекиньи. Сотрудникъ С. Палэ и Фонсеманя по составленію хронологической таблицы грамотъ, мавріанцевъ—по изданію собранія французскихъ историковъ, продолжатель изданія сборника ордонансовъ, редакторъ *journal des savants*, членъ академіи надписей и авторъ многочисленныхъ монографій по исторіи и вспомогательнымъ ея наукамъ, Брекиньи лучше, чѣмъ кто либо, былъ подготовленъ къ такой дѣятельности. Если Моро и Бертень готовы были ограничиться собираніемъ грамотъ и инвентарей, то Брекиньи, лучше понимавшій, какой матеріалъ нуженъ и пригоденъ для историка, настоялъ на необходимости расписать программу собиранія документовъ и при этомъ точнѣе опредѣлить самый способъ составленія описанія архивовъ, воспроизведенія копій съ оригиналовъ и составленія замѣтокъ о менѣ важныхъ документахъ. Изъ составленныхъ имъ докладныхъ записокъ и отчетовъ ³⁾ видно, что Брекиньи одинаково интересовался, какъ королевскими грамотами, письмами, распоряженіями, счетами, такъ и всевозможными частными актами: купчими, контрактами, завѣщаніями, отчетами, квитанціями, постановленіями синодовъ, монастырскихъ конгрегацій, городскихъ совѣтовъ и пр. При воспроизведеніи оригиналовъ онъ совѣтовалъ не только со-

¹⁾ I, 62.

²⁾ I, 86, 111.

³⁾ I, p. 175—212.

блюдать правописание и даже несомнѣнные ошибки подлинника, но и перерисовывать находящіеся на нихъ хрисмы, монограммы, печати; въ особенности онъ рекомендовалъ тщательно копировать названія лицъ, мѣстъ, цифры, а главное — даты; каждую копию онъ считалъ необходимымъ сопровождать краткимъ, но точнымъ описаніемъ оригинала съ указаніемъ его формы, объема, способа скрѣпленія, письма, подчистокъ и вообще всѣхъ вѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, опредѣляющихъ древность и подлинность документа.

Для разсмотрѣнія и оцѣнки присылаемыхъ документовъ, при библиотекѣ министерства финансовъ началъ сходиться ежемѣсячно небольшой кружокъ ученыхъ людей, который сперва не имѣлъ оффиціального положенія, но потомъ получилъ его подъ именемъ Bureau Littéraire¹⁾. Въ этомъ кружкѣ, при содѣйствіи Моро и Бертеня, былъ задуманъ рядъ ученыхъ трудовъ, для которыхъ могъ пригодиться собираемый въ библиотекѣ печатный и рукописный матеріалъ. Прежде всего, чтобы избавить мавріанцевъ отъ излишняго труда списывать такіе документы, которые уже раньше были обнародованы, рѣшено было поскорѣе напечатать давно уже составлявшуюся хронологическую таблицу грамотъ²⁾ съ указаніемъ въ ней, гдѣ, кѣмъ, когда и по какой рукописи былъ изданъ тотъ или другой документъ; а чтобы воспользоваться и неизданными матеріалами, предположено было заняться подготовкою сборника, который соотвѣтствовалъ бы извѣстному изданію англійскихъ документовъ Rumer'a. Первое предпріятіе, какъ давно подготавливавшееся, скоро начали приводить въ исполненіе, и въ 1769 появился первый томъ Table. Гораздо труднѣе было справиться со вторымъ. Какъ ни много мавріанцы присылали матеріаловъ изъ провинціальныхъ архивовъ Франціи, Брекинъ хорошо понималъ, что ихъ недостаточно для изданія французскаго Римера. Чтобы задуманное собраніе отличалось возможною полнотою, нельзя было ограничиться помѣщеніемъ въ немъ однихъ мѣстныхъ матеріаловъ, а нужно было сперва поискать дополнительныхъ въ архивахъ сосѣднихъ государствъ, съ которыми французскіе короли находились въ наиболѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ. Такъ какъ въ средніе вѣка почти вся западная половина Франціи входила въ составъ англійскихъ владѣній, то Бре-

¹⁾ I, 97.

²⁾ I, p. 306—320.

кинѣ раньше всего указалъ на Лондонъ, какъ на такое мѣсто, гдѣ можно надѣяться отыскать большое количество весьма цѣнныхъ матеріаловъ, и самъ вызвался исполнить эту задачу.

Предложеніе было принято, и въ 1764 г. Брекини отправился въ Англію въ сопровожденіи 6 опытныхъ копѣистовъ. Два съ половиною года продолжалась эта командировка, и во все это время Брекини усердно переписывался съ Бертенемъ и Моро о ходѣ своихъ занятій въ различныхъ архивахъ и бібліотекахъ Лондона, а по возвращеніи представилъ академіи надписей подробный рассказъ ¹⁾ о результатѣ своихъ изысканій въ Англіи. Вся эта переписка и отчетъ Брекини нашли себѣ мѣсто въ 1 томѣ и по нимъ лучше всего можно судить, на что былъ способенъ этотъ неутомимый труженикъ. Брекини самъ пересматривалъ всѣ документы, самъ отмѣчалъ, съ какихъ нужно дѣлать копіи, самъ свѣрялъ эти копіи съ оригиналами, самъ составлялъ дипломатическое описаніе документовъ ²⁾. Работать ему приходилось при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ; въ счетной палатѣ ³⁾ напр. онъ долженъ былъ разбирать древніе документы на чердакѣ, который весь былъ биткомъ набитъ связками бумагъ, считавшихся бесполезными; связки эти были свалены, какъ попало, и покрыты толстыми слоями пыли; чердакъ былъ темень, низокъ и не представлялъ никакихъ приспособленій для работы; тутъ не было ни стола, ни стула, да и стоять было неудобно и приходилось работать на корточкахъ; въ добавокъ къ самому Брекини первое время относились подозрительно и отказывали ему въ доступѣ въ архивъ Лондонской башни. Но Брекини терпѣливо переносилъ всѣ невзгоды и неудобства; за то и результаты его дѣятельности просто приводятъ въ изумленіе: онъ привезъ съ собою до 7000 документовъ самаго разнообразнаго содержанія! Тутъ были подлинныя письма французскихъ королей, ихъ женъ, дѣтей, министровъ, вождей, разнообразныя корол. грамоты, мирныя договоры, папскія буллы, финансовыя отчеты, однимъ словомъ все, что могло пригодиться при изученіи французской исторіи внѣшней и внутренней, гражданской и церковной. На основаніи этихъ матеріаловъ Брекини составилъ потомъ 12 спеціальныхъ монографій ⁴⁾, вошедшихъ въ со-

¹⁾ I, p. 217—220.

²⁾ I, p. 177.

³⁾ I, p. 183.

⁴⁾ Перечень ихъ помѣщенъ въ примѣчаніи на 218 стр. 1 т.

ставъ мемуаровъ академіи надписей. Они же положили прочное основаніе, составили первый фондъ въ депо грамотъ.

Успѣхъ командировки въ Лондонъ заставилъ Моро и Бертеня охотно принять новое предложеніе Брекини объ организаціи подобной же экспедиціи въ Римъ ¹⁾, для поисковъ документовъ въ мѣстныхъ преимущественно папскихъ архивахъ. Если принять во вниманіе, что въ теченіе всѣхъ ср. вѣковъ Французскіе короли и прелаты дѣятельно сносились съ папами, если припомнить, что большую часть XIV в. папы прожили во Франціи, въ Авиньонѣ; то нельзя не признать новаго предложенія Брекини вполне основательнымъ. Но если въ Лондонѣ нѣкоторое время относились подозрительно къ миссіи французскаго ученаго, то изъ Рима на предложеніе позволить сдѣлать копии съ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Франціи, сперва послѣдовалъ рѣшительный отказъ, а потомъ, хотя и дано было согласіе, но подъ условіемъ, чтобы этимъ дѣломъ занялось лицо, рекомендованное папою, при содѣйствіи мѣстныхъ копистовъ, на вознагражденіе которыхъ потребовали крупную сумму ²⁾. Моро уже собирався было отказаться отъ этого предпріятія, какъ въ 1776 г. членъ академіи надписей La Porte du Theil, отправлявшійся въ Римъ, предложилъ ему свои услуги для занятій въ папскихъ архивахъ. Въ виду недовѣрчиваго отношенія папскаго правительства къ поискамъ официальныхъ людей въ его архивахъ, дю-Тейль явился въ Римъ, какъ частный ученый, и утверждалъ, что ищетъ матеріаловъ для церковной исторіи Франціи; къ такому заявленію въ Римѣ отнеслись менѣе подозрительно, и это обстоятельство позволило изслѣдователю въ продолженіе своей командировки, затянувшейся на 10 лѣтъ, собрать до 20,000 различныхъ документовъ и замѣтокъ; самую цѣнную вещь въ этой обширной коллекціи составляли папскія письма, извлеченныя изъ подлинныхъ регистровъ, въ количествѣ до 5000; всѣ они относятся къ XIII в. начиная съ Инокентія III и кончая Бонифатіемъ VIII. Составленный дю-Тейлемъ мемуаръ ³⁾ о римскихъ архивахъ, условіяхъ, при которыхъ онъ тамъ работалъ и о результатахъ его занятій, представляетъ не менѣе интереса, чѣмъ отчетъ Брекини о поѣздкѣ въ Лондонъ.

¹⁾ I, p. 346.

²⁾ I, p. 348, 354.

³⁾ I, p. 358—378.

Кромѣ двухъ главныхъ ученыхъ экспедицій въ Лондонъ и Римъ, Моро и его ученый кружокъ такъ или иначе содѣйствовали поискамъ за документами въ различныхъ провинціяхъ, прилегающихъ къ Франціи на сѣверѣ и востокѣ, а равно и въ значительной части французскихъ городовъ и монастырей ¹⁾. Насколько всѣ эти изысканія были успѣшны, можно судить по отчету ²⁾ Моро о состояніи депо въ концѣ 1780 г. Оказывается, что къ этому времени въ немъ находилось, кромѣ коллекцій Брекиньи и дю-Тейля до 25,000 документовъ, приведенныхъ въ полный порядокъ, инвентированныхъ и дипломатически описанныхъ.

Опираясь на несомнѣнные доказательства пользы самостоятельнаго сущесввованія руководимыхъ имъ учреждений: библіотеки, депо грамотъ и литературнаго бюро, Моро задумываетъ полное преобразование ихъ внутренней организаціи съ цѣлію большаго расширенія преслѣдуемыхъ ими—задачъ. До 1781 г. библіотека и депо причислялись къ министерству финансовъ, какъ учрежденія, способствовавшія облегченію контроля надъ дѣйствующею администраціею, теперь же, по предложенію Моро, они были подчинены вѣдомству хранителя печати, какъ учрежденія, подготовляющія путемъ историческихъ изслѣдованій новые законо-проекты; почему и были соединены и названы *Bibliothèque de legislation, histoire et droit public*; прежде въ *Bureau Littéraire* занимались только дипломатическою оцѣнкою документовъ, теперь же Моро стремится сдѣлать его центромъ всѣхъ историческихъ работъ во Франціи, гдѣ могли бы задумываться и приводиться въ исполненіе изданія разнообразныхъ коллекцій историческихъ памятниковъ. Дѣйствительно, съ этого момента литературный кружокъ при библіотекѣ начинаетъ оказывать рѣшительное вліяніе, какъ на продолженіе изданія уже ранѣе возникшихъ собраній историческихъ памятниковъ, такъ и на возникновеніе и осуществленіе новыхъ подобныхъ предпріятій; такъ Брекиньи руководитъ продолженіемъ изданія *Recueil des ordonances*, мавріанцы Dom Brial и Dom Clément, принадлежавшіе къ тому же кружку, продолжаютъ изданіе *Recueil des historiens de France*; Dom Clément, сверхъ того, при помощи матеріаловъ депо, исправляетъ и переиздаетъ *l'arte de verifier*

¹⁾ I, p. 220—257.

²⁾ I, p. 158—170.

les dates, a Dom Brial—исполняетъ тоже самое по отношенію къ *Concilia antiqua Galliae*; наконецъ Брекиньи и дю-Тейль руководятъ изданіями, задуманными въ самомъ депо, а именно: первый продолжаетъ изданіе *Table* и полагаетъ начало французскому Римеру, явившемуся подъ заглавіемъ *Diplomata, chartae* и пр. а второй—началу изданія писемъ папы Иннокентія III. Всѣ это ученныя предпріятія ¹⁾ подвергаются всестороннему обсужденію въ кабинетѣ ²⁾ грамотъ; въ засѣданіяхъ его иногда принимали участіе хранитель печати и другіе настоящіе и бывшіе министры, постоянные члены ученаго кружка, а равно и его провинціальныя корреспонденты, пріѣзжавшіе по дѣламъ въ Парижъ; рѣшенія заносились въ особый протоколъ. Образцы подобныхъ протоколовъ опять можно найти въ числѣ изданныхъ Шармомъ документовъ ³⁾.

Къ сожалѣнію широкая ученая дѣятельность кабинета грамотъ была непродолжительна; революція 1789 г. положила конецъ его самостоятельному существованію; всѣ его коллекціи, обнимавшія собою до 300,000 предметовъ ⁴⁾, были включены къ королевскую библіотеку, а закрытіе тогда же конгрегации св. Мавра уничтожило самую возможность продолженія начатыхъ кабинетомъ работъ по отысканію и публикаціи документовъ. Но если революція остановила дѣятельность кабинета грамотъ, то она же и подготовила возрожденіе его еще въ болѣе блестящей формѣ комитета историческихъ и научныхъ работъ.

Какъ ни изобрѣтателемъ былъ Моро въ пріисканіи средствъ проникать въ архивы и извлекать изъ нихъ нужные матеріалы, тѣмъ не менѣе онъ нерѣдко наталкивался на непреодолимые препятствія. Провинціальныя парламенты, враждебно относившіеся къ министерству, отказывали Моро въ присылкѣ своихъ архивныхъ инвентарей и регистровъ; еще труднѣе былъ доступъ въ частныя архивы, владѣльцы которыхъ подозрительно относились къ ихъ полному пересмотру; къ тому же самое число тогда архивовъ было весьма велико: по свѣдѣніямъ, собраннымъ Моро въ 1784 г., во всей Франціи ихъ было 1225, а

¹⁾ I, p. 288—388.

²⁾ Такъ часто называется въ документахъ и у современныхъ писателей *Bibliothèque de législation, histoire et droit public*.

³⁾ I, p. 170—177.

⁴⁾ I, p. 439—444.

разобрано—только 350. Во время революціи ¹⁾ всѣ архивы, находившіеся прежде въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ, корпорацій, учреждений и частныхъ лицъ, были объявлены государственною собственностію; всѣ ихъ приказано было перенести въ главные города департаментовъ. Если бы дѣятели революціи ограничились приведеніемъ этихъ мѣръ въ исполненіе, они оказали бы великую услугу наукѣ: тогда архивы, порученные охранѣ государственныхъ чиновниковъ, менѣе подвергались бы опасности истребленія или расхищенія; тогда не за чѣмъ было бы хлопотать о снятіи копій съ хранящихся въ нихъ документовъ и можно было бы ограничиться простымъ ихъ инвентированіемъ; тогда и доступъ въ архивы сдѣлался бы вполне свободенъ для всѣхъ желающихъ тамъ заниматься. Къ сожалѣнію, былъ поднятъ вопросъ, стоитъ ли заботиться о храненіи всѣхъ наличныхъ архивныхъ бумагахъ, и своеобразное рѣшеніе его въ конвентѣ повело къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. По мнѣнію дѣятелей революціи, изъ архивныхъ матеріаловъ заслуживаютъ сохраненія лишь тѣ, которые или имѣютъ важное историческое значеніе, какъ напр. королевскія грамоты, ординансы,—или тѣ, которые имѣютъ практическій интересъ для справокъ по различнымъ дѣламъ; первые изъ нихъ рѣшено было передать въ Парижъ, въ королевскую бібліотеку, вторые—собрать въ центральные архивы въ главныхъ городахъ департаментовъ; всѣ же прочія бумаги—истребить или продать, частію какъ совершенно—безполезныя, а частію даже какъ вредныя памятники былаго деспотизма и суевѣрія. Исполненіе этого постановленія невѣжественными людьми произвело съ одной сторонѣ раздробленіе архивныхъ матеріаловъ по частямъ, а съ другой сопровождалась безпорядочнымъ смѣшеніемъ ихъ въ центральныхъ архивахъ, гдѣ сваливались въ кучу связки бумагъ, взятыхъ изъ различныхъ мѣстъ. Такъ какъ одновременно съ переносомъ архивовъ совершалось въ большихъ размѣрахъ истребленіе якобы ненужныхъ или вредныхъ бумагъ, то скоро сложилось убѣжденіе, что революція все истребила, и что въ архивахъ нельзя найти ничего цѣннаго. Уничтоженіе этого убѣжденія

¹⁾ Документы, помѣщенные въ 1 томѣ, оканчиваются на 1789 г., а во 2 т. они начинаются прямо съ 1834 г. Для промежуточнаго періода по необходимости остается пользоваться фактами въ томъ видѣ, какъ они изложены у Шарма въ его исторической запискѣ на стр. 85—117.

и приведеніе архивовъ въ порядокъ составляетъ первую научную задачу и заслугу, „комитета историческихъ и научныхъ трудовъ“, организованнаго Гизо въ 1834 г. Но вопросъ объ архивахъ составлялъ незначительную часть той программы, которая была начертана для комитета его основателемъ. Въ выработкѣ этой программы несомнѣнно сказались и время, и личные вкусы и воззрѣнія самаго Гизо.

Къ 30-мъ годамъ XIX в. во Франціи успѣло охладѣть до извѣстной степени увлеченіе идеями великой революціи; начало обнаруживаться сознаніе, что полнаго разрыва между настоящимъ и прошлымъ, не смотря на провозглашеніе правъ человѣка, не совершилось; возникло желаніе понять связь между старымъ режимомъ и новымъ, замѣчалось даже романтическое увлеченіе средними вѣками. Подъ вліяніемъ этого настроенія измѣнилось самое пониманіе исторіи: отъ ней ожидали не разсказа о войнахъ, не описанія институтовъ, а изложенія развитія цивилизаціи. Гизо, стоявшій во главѣ этого новаго пониманія исторіи, открыто провозглашалъ, что факты цивилизаціи распадаются на двѣ категоріи: 1) на факты матеріальные, видимые, какъ напр. распоряженія государствъ, ихъ войны, сношенія и 2) на факты моральные, скрытые, какъ нравы, науки, искусства; факты перваго разряда извѣстны мало, а втораго—почти совсѣмъ нѣтъ, а потому для составленія исторіи цивилизаціи отъ ученыхъ людей требуются частію дополнительныя изысканія, частію вполне новыя. Сообразно съ такимъ пониманіемъ задачъ исторіи. Гизо, учреждая свой „комитетъ“, долженъ былъ расширить программу его дѣятельности¹⁾. Теперь дѣло шло не о собираніи только грамотъ и приведеніи архивовъ въ порядокъ, и даже не объ изданіи всѣхъ памятниковъ письменности, но и объ изученіи памятниковъ искусствъ, наукъ, народной поэзіи и вообще всего, въ чемъ проявляется цивилизація. Обширность программы естественно предполагала обиліе силъ и средствъ на ея выполненіе. Эти силы Гизо рассчитывалъ найти въ ученыхъ корреспондентахъ комитета, а средства должно было, по его мнѣнію, дать государство.

Новый комитетъ, составленный изъ самыхъ выдающихся ученыхъ того времени, долженъ былъ руководить, какъ научными изслѣдова-

¹⁾ II, p. 1—8.

ніями, такъ и публикаціею открытыхъ при этомъ неизданныхъ памятниковъ. Обширность предложенной ему программы сама собою должна была, при переходѣ отъ теоріи къ практикѣ, повесть къ распаденію комитета на нѣсколько секцій. Уже при Гизо въ 1835 г. рядомъ съ комитетомъ, заботящимся объ изданіи памятниковъ политической, интеллектуальной и моральной исторіи, возникаетъ другой ¹⁾, задача котораго должна состоять въ изученіи и обнародованіи памятниковъ наукъ и искусствъ, интересныхъ въ историческомъ отношеніи; этотъ второй комитетъ опять распадается на двѣ секціи, изъ которыхъ одна занимается памятниками литературы, философіи и наукъ, а другая — памятниками искусствъ. Но даже и такой составъ секцій былъ все еще слишкомъ сложенъ, и въ 1837 г. ²⁾, вмѣсто двухъ комитетовъ является одинъ, но съ раздѣленіемъ на пять секцій: 1) языка и литературы, 2) исторіи, 3) естествознанія, 4), искусствъ и вообще памятниковъ вещественныхъ и 5) наукъ нравственныхъ и политическихъ. Въ этомъ новомъ дѣленіи сказалось желаніе примѣнить къ комитету дѣленіе Французскаго Института на такое же количество академій и поставить оба учрежденія въ тѣсную связь между собою; каждая секція комитета должна дѣйствовать какъ-бы подъ надзоромъ соотвѣтствующей академіи. Но такъ какъ въ составъ комитета входили многіе члены тѣхъ же самыхъ академій, то проэктированный надзоръ оказался неисполнимымъ, и въ сущности комитетъ и институтъ продолжали вполнѣ самостоятельно преслѣдовать свои собственныя цѣли и задачи.

Чѣмъ обширнѣе были задачи, возлагаемыя на комитетъ, тѣмъ болѣе ему были необходимы сотрудники. Гизо надѣялся сперва найти ихъ въ провинціальныхъ ученыхъ, которые добровольно предложатъ свои услуги министру и, въ качествѣ его ученыхъ корреспондентовъ, будутъ исполнять порученія комитета и работать подъ его руководствомъ. Но хотя такіе корреспонденты и нашлись, однако и число ихъ было не велико, да и сношенія съ ними министра и комитета отличались случайностію, и потому съ ними одними очевидно нельзя было взяться ни за какое обширное ученое предпріятіе. Скоро Гизо напалъ на другую болѣе счастливую мысль — привлечь въ сотрудники комитету

¹⁾ II, p. 27.

²⁾ II, p. 60.

всѣ провинціальныя ученыя общества ¹⁾). Число этихъ обществъ было тогда еще не велико, тѣмъ не менѣе они совмѣщали въ себѣ всѣ лучшія силы страны и повсюду имѣли своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Но чтобы привлечь ихъ въ сотрудники комитета, нужно было сперва собрать свѣдѣнія о самихъ обществахъ и программѣ ихъ дѣятельности, а потомъ постараться заинтересовать ихъ въ самой работѣ комитета. Первое было узнано съ помощію префектовъ ²⁾), а втораго Гизо и его преемники достигли обѣщаніями: не вмѣшиваться во внутреннія дѣла обществъ, облегчить взаимныя ихъ сношенія, содѣйствовать производству и публикаціи ихъ трудовъ путемъ доставленія необходимыхъ пособій для научной работы, (т. е. книгъ, рукописей, инструментовъ ³⁾) и пр.) и средствъ къ изданію. Дѣйствительно, вскорѣ на нужды ученыхъ обществъ былъ испрошенъ особый кредитъ въ 10,000 франковъ, увеличенный въ 1847 г. до 50,000; сверхъ того, при комитетѣ положено было начало изданію особаго бюллетеня, въ которомъ сперва печатались одни сообщенія членовъ археологической секціи, потомъ всѣхъ 5 секцій, и наконецъ онъ сдѣланъ одновременно органомъ какъ комитета, такъ и ученыхъ обществъ.

Старанія Гизо и его преемниковъ объ улучшеніи организаціи комитета, о сближеніи его съ учеными обществами и о доставленіи необходимыхъ средствъ на ихъ работы вызвали быстрое появленіе цѣлаго ряда собраній неизданныхъ документовъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ французской исторіи, начиная съ XII вѣка; тогда напечатаны были неизданныя произведенія Абеяра, такъ называемое *Olim*, цеховыя уставы Буало, процессъ темпліеровъ, донесенія венеціанскихъ пословъ, документы, относящіеся къ сношеніямъ съ Австріею, съ Левантомъ, къ войнѣ за Испанское наслѣдство и пр. и пр. всего до 50 томовъ in 4° ⁴⁾).

Начатая такимъ блестящимъ образомъ дѣятельность комитета въ значительной степени ослабѣла во времена второй имперіи. Прежде всего кредитъ комитета, доходившій съ 1837 г. до 150,000 fr. былъ

¹⁾ II, p. 8.

²⁾ II, p. 69, 71.

³⁾ II, p. 70, 102, 108, 110, 128.

⁴⁾ Подробный списокъ всѣхъ изданій комитета съ краткою характеристикою каждаго можно найти въ отмѣченномъ выше отчетѣ Делиля 1874 г. на стр. 84—146.

уменьшенъ до 120,000, испрошенныхъ Гизо при самомъ его учрежденіи. Если въ то время эта сумма оказалась скоро недостаточною, то тѣмъ болѣе она должна была сдѣлаться ничтожною теперь, когда многія изданія документовъ уже были начаты, и задуманы были новыя ученыя предпріятія. Потомъ, во времена Гизо исторія служила главнымъ предметомъ занятій комитета и ученыхъ обществъ; теперь же, по желанію Наполеона III, на первый планъ было выдвинуто изученіе языка и народной поэзіи¹⁾, занятія которыми тогдашнему правительству казались менѣе опасными съ политической точки зрѣнія, чѣмъ занятіе исторіею; поэтому и самый комитетъ былъ теперь переименованъ изъ историческаго въ *Comité de la langue, de l'histoire et des arts de la France*²⁾. Наконецъ, провинціальныя ученыя общества, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ вполне самостоятельно, и прямо сносившіяся съ комитетомъ и министрамъ, теперь до извѣстной степени были подчинены авторитету мѣстныхъ академій и факультетовъ: ихъ ректорамъ было предписано³⁾ присутствовать на засѣданіяхъ обществъ, доносить министру о своихъ наблюденіяхъ надъ ними и входить съ проектами реформъ. Эти мѣры вызвали молчаливую, но весьма стойкую оппозицію со стороны комитета и ученыхъ обществъ; первый, подъ предлогомъ недостатка въ средствахъ, ограничивался почти исключительно продолженіемъ изданія ранѣе начатыхъ собраній документовъ, а послѣднія стали уклоняться отъ сношеній съ комитетомъ и участія въ его работахъ⁴⁾, и задуманное Наполеономъ изданіе сборника произведеній народной поэзіи такъ и не состоялось.

Скоро само правительство поняло свой промахъ и въ 1858 г. до извѣстной степени возстановило прежній комитетъ: теперь онъ былъ раздѣленъ на 3 секціи 1) исторіи и филологіи, 2) археологіи и 3) наукъ; вполне возстановлены были прямыя сношенія комитета съ учеными обществами и все это было выражено въ новомъ его наименованіи — *comité des travaux historiques et des sociétés savantes*⁵⁾. Опраномъ новаго комитета сдѣлано было *Revue des sociétés savantes*, въ

¹⁾ II, p. 153—155.

²⁾ II, p. 155.

³⁾ II, p. 165.

⁴⁾ II, p. 162.

⁵⁾ II, p. 184.

которомъ должны быть помѣщаемы ежемѣсячные отчеты, какъ о ходѣ занятій въ комитетѣ, такъ и о дѣятельности ученыхъ обществъ. Но имперское правительство все еще не могло отказаться отъ мысли о необходимости контроля надъ дѣятельностію провинціальныхъ обществъ: составленіе отчетовъ о послѣдней возложено было не на самыя общества, а на профессоровъ мѣстныхъ академій и факультетовъ, по назначенію ректора ¹⁾; составителю подобнаго отчета вмѣнялось въ обязанность, не только излагать содержаніе мемуаровъ, написанныхъ членами ученыхъ обществъ, но и оцѣнивать ихъ достоинства и даже — направленіе. Гораздо плодотворнѣе по своимъ послѣдствіямъ была другая мысль наполеоновскаго правительства — организовать ежегодные съѣзды провинціальныхъ ученыхъ въ Парижѣ ²⁾, гдѣ бы они могли сообща обсуждать интересующіе ихъ научные вопросы и войти въ сношенія съ мѣстными учеными корифеями. Но даже и тутъ правительство разсматривало ученыхъ, какъ школьниковъ, которыхъ можно побудить къ болѣе усерднымъ занятіямъ раздачею наградъ. Чтобы склонить провинціальныхъ ученыхъ къ представленію на съѣздахъ мемуаровъ, правительство учредило 3 преміи по 1500 fr. за лучшія произведенія ³⁾. Раздача премій совершалась при заключеніи съѣзда, съ соблюденіемъ особой торжественности, а присужденіе ихъ возложено было на особую комиссію, состоявшую изъ предсѣдателей обществъ. Такъ какъ преміи могли быть присуждены не только членамъ ученыхъ обществъ, но и самимъ обществамъ, то въ результатѣ получалось, что присуждали преміи тѣже лица, которые и сами прямо или косвенно участвовали въ конкурсѣ. Поэтому до самаго паденія второй имперіи ученныя общества не проявляли особой дѣятельности ни въ занятіяхъ комитета, ни въ трудахъ съѣздовъ: они не желали ни подчиняться оцѣнкѣ мѣстныхъ профессоровъ, ни получать наградъ на подобіе школьниковъ. Лишенный содѣйствія ученыхъ обществъ, и самый комитетъ обнародовалъ въ періодъ 2-й имперіи вдвое меньше трудовъ, чѣмъ въ предшествующую эпоху, не говоря уже о томъ, что изъ числа новыхъ 30 томовъ не менѣе половины представляютъ простыя продолженія къ ранѣе начатымъ или подготовленнымъ собра-

¹⁾ II, p. 210.

²⁾ II, 212.

³⁾ II, p. 206.

ніямъ; такими напр. являются документы, относящіеся къ исторіи третьяго сословія, подготовка которыхъ Ог. Тьерри велась чуть не съ самаго учрежденія комитета, а изданіе началось только съ 1850 г.; таковыже многіе хартуляры, издававшіеся по образцу подобныхъ работъ Герарда; во времена же имперіи задумано было и приведено въ исполненіе лишь изданіе бумагъ Ришелье, нѣкоторыхъ памятниковъ старофранцузскаго языка, папскихъ привиллегій французской коронѣ, да мемуаровъ, относящихся къ XVI, XVII и XVIII в. Простой перечень этихъ коллекцій самъ собою намекаетъ на тѣ тенденціи, подъ вліяніемъ которыхъ было задумано ихъ обнародованіе.

Съ паденіемъ имперіи быстро исчезли всѣ ея затѣи педагогическаго характера по отношенію къ ученымъ обществамъ и комитету. Первый республиканскій министръ народнаго просвѣщенія, Жюль Симонъ, открыто призналъ вредъ вмѣшательства администраціи во внутреннія дѣла ученыхъ обществъ и необходимость для правительства довольствоваться содѣйствіемъ имъ въ производствѣ и публикаціи ихъ работъ. Немедленно были уничтожены конкурсы ¹⁾ между учеными обществами и раздача имъ премій; контроль факультетовъ надъ дѣятельностію обществъ исчезъ самъ собою, и они по прежнему стали въ непосредственныя отношенія къ комитету. Ихъ совмѣстная дѣятельность приняла теперь самыя широкіе размѣры. Если прежде комитетъ и общества занимались главнымъ образомъ изученіемъ французской исторіи и археологіи, то теперь, подъ вліяніемъ возникновенія новыхъ обществъ, занимавшихся другими спеціальными предметами, слагается убѣжденіе въ необходимости образованія въ комитетѣ новыхъ секцій, которыя руководили бы работами по этимъ выдвинувшимся спеціальностямъ. Во времена министерства Ферри ²⁾ дѣйствительно организованы двѣ новыя секціи: 1) наукъ нравственныхъ и экономическихъ и 2) исторической географіи, и самый комитетъ получилъ тогда свое послѣднее наименованіе — *comité des travaux historiques et scientifiques*.

Послѣдняя реформа комитета совпала съ 50 л. юбилеемъ его существованія; она была проведена по плану Шарма ³⁾, автора очерка

¹⁾ II, p. 248.

²⁾ II, p. 285.

³⁾ II, 303—320.

исторіи комитета. Шармъ задался мыслию выработать для комитета такую организацію, которая съ одной стороны не мѣшала бы его дальнѣйшему развитію въ научномъ отношеніи, открывала бы просторъ образованію въ немъ новыхъ секцій, а съ другой придавала бы этому разнообразію извѣстное единство и устойчивость. Такъ какъ многія науки тѣсно соприкасаются между собою, напр. исторія съ археологіею, и историкъ не можетъ не быть въ извѣстной степени и археологомъ, и наоборотъ, то рѣзкое раздѣленіе секцій комитета не возможно, и Шармъ предлагалъ допустить, чтобы одно и тоже лицо могло быть членомъ нѣсколькихъ секцій, что уже само по себѣ должно было препятствовать разъединенію послѣднихъ и вмѣстѣ способствовать ихъ сближенію при возникновеніи общихъ научныхъ работъ. Самыя секціи могутъ возникать и исчезать подъ вліяніемъ случайныхъ условій, напр. экспедиція въ Тунисъ, вызвавшая изученіе этой страны въ историческомъ и научномъ отношеніи, можетъ повести къ организаціи въ комитетѣ особой секціи, которая будетъ руководить изслѣдованіями въ Тунисѣ, но закрытіе почему-либо доступа въ эту провинцію для французскихъ ученыхъ въ свою очередь, естественно, повлечетъ за собою и закрытіе тунисской секціи. Чтобы подобныя секціи, размножаясь и исчезая, не подорвали значенія самого комитета и не нарушили его единства, Шармъ предложилъ надъ этими неустойчивыми и подвижными элементами поставить высшую центральную комиссію. Въ составъ ея должны войти всѣ президенты секцій и по одному члену отъ каждой, по назначенію министра; образованіе или закрытіе какой-либо секціи комитета поведетъ только къ появленію или исчезновенію въ центральной комиссіи двухъ членовъ, присутствіе или отсутствіе которыхъ, конечно, не можетъ имѣть большаго вліянія на ея образъ дѣйствія, а потому комиссія безспорно сдѣлается устойчивымъ элементомъ комитета и выработаетъ въ немъ извѣстную традицію, которой и будетъ придерживаться. Секціи должны вѣдать научную часть комитета: составлять инструкціи, наблюдать за производствомъ научныхъ изслѣдованій, оцѣнивать добытые результаты и рѣшать, что заслуживаетъ публикаціи; центральная же комиссія должна вѣдать финансовую и административную часть дѣла: она распределяетъ средства между секціями, слѣдитъ за печатаніемъ составленныхъ въ нихъ трудовъ, вѣдается съ типографіею, издателями, съ различными учрежденіями и вѣдомствами. Сообразно съ новою организаціею комитета

рѣшено было преобразовать и его органъ—Бюллетень; послѣдній всегда долженъ быть раздѣленъ на столько отдѣловъ, сколько въ данный моментъ имѣется секцій въ самомъ комитетѣ; правильность и періодичность его изданія должна облегчать провинціальнымъ ученымъ возможность быстро узнавать о всѣхъ планахъ и мѣрахъ комитета. А чтобы въ провинціяхъ имѣлись точныя свѣдѣнія о текущей научной литературѣ, комитетъ положилъ ежегодно издавать библиографическій указатель по исторіи и археологіи подъ заглавіемъ: *Repertoire des travaux historiques* ¹⁾.

Наконецъ и ученые съѣзды въ Парижѣ, организуемые теперь министромъ нар. пр. при содѣйствіи комитета, получили иной характеръ: прежде въ нихъ принимали участіе одни провинціальныя ученые, а теперь туда приглашаются и столичные корифеи наукъ ²⁾; прежде на съѣзды представлялись случайные мемуары, теперь же они пишутся, на основаніи мѣстныхъ матеріаловъ, по извѣстнымъ общимъ вопросамъ, указаннымъ заранѣе въ программѣ, выработанной для съѣздовъ все тѣмъ же комитетомъ ³⁾. Образцы этихъ программъ можно найти во второмъ томѣ документовъ. Простое сопоставленіе ихъ между собою вполне ясно указываетъ на быстрое развитіе съѣздовъ: въ 1883 г. съѣздъ распадался только на 2 секціи: 1) исторіи и филологіи и 2) археологіи, а на съѣздѣ 1886 г. ихъ уже открывается цѣлыхъ пять; къ двумъ прежнимъ секціямъ присоединилось 3 новыхъ: 1) наукъ экономическихъ и социальныхъ, 2) наукъ математическихъ, физическихъ, химическихъ и метеорологическихъ и 3) естествознанія и географіи; вмѣстѣ съ этимъ быстро возрастаетъ и количество вопросовъ, предлагаемыхъ для разработки членамъ каждой секціи. Публикація трудовъ съѣздовъ опять, (впрочемъ еще со временъ имперіи) отошла къ вѣдѣнію комитета ⁴⁾.

Въ слѣдствіе развитія внутренней организаціи комитета и расширенія программы его дѣятельности, онъ сдѣлался теперь руководителемъ и исполнителемъ всевозможныхъ научныхъ предпріятій. Если при Моро думали главнымъ образомъ о собираніи и публикаціи гра-

¹⁾ II, p. 324.

²⁾ II, p. 291.

³⁾ II, p. 339.

⁴⁾ Ср. II, p. 294, 340 и 361.

моть, если при Гизо начали хлопотать о разработкѣ всѣхъ отраслей исторіи, то теперь замѣчается стремленіе со стороны комитета къ вліянію на ходъ занятій всѣми науками ¹⁾. Сообразно съ этимъ, если при Моро изданія кабинета хартій представляли лишь отдѣльные томы немногихъ коллекцій, если при Гизо и во времена имперіи изданія комитета считались уже десятками томовъ; то теперь они достигли въ общей сложности до 350 томовъ ²⁾. Въ какой степени быстро развивается теперь ученая производительность комитета, можно судить напр. по слѣдующему факту: въ 1874 г. по заявленію Г. Делиля одновременно печатались въ типографіи 14 новыхъ томовъ, а въ 1886 число таковыхъ доходитъ уже до 65 ³⁾!

Какъ правительственное изданіе, коллекція неизданныхъ документовъ продается весьма дешево; каждый томъ in 4° въ 600—700 стр. стоитъ всего 12 франковъ. Такъ какъ въ составъ этой коллекціи, помимо чисто историческихъ и археологическихъ памятниковъ и трудовъ, входятъ еще произведенія по юриспруденціи, физикѣ, химіи, математикѣ и естествознанію, (въ ней напр. издается полное собраніе сочиненій Коши, Лягранжа, Лявуазье), то обладаніе ею представляется чистою необходимостію для такихъ учреждений, какъ университетъ. Къ сожалѣнію, въ библіотекѣ Университета св. Владимира имѣются лишь немногіе отдѣльные томы изъ этого собранія и восполненіе его на штатныя средства библіотеки, конечно; безусловно невозможно. Но, мнѣ кажется, позволительно выразить по крайней мѣрѣ надежду, что Правленіе Унив. св. Вл., располагающее весьма значительными спеціальными средствами, въ ближайшемъ будущемъ найдетъ возможность приобрѣсть полную Collection de documents inédits.

Θ. Фортинскій.

¹⁾ О разнообразіи научныхъ занятій комитета до извѣстной степени можно судить по составленнымъ въ немъ 15 инструкціямъ для сотрудниковъ. Каждая инструкція представляетъ собою цѣлую монографію, составленную знатокомъ дѣла; тутъ есть произведенія Ленуара о галлоримской и средневѣковой архитектурѣ, Ампера—о народной поэзіи, Леклерка—о филологіи, Делиля—о способѣ составленія историко-географическаго и археологическаго словаря Франціи, Левассера—о наукахъ социальныхъ и экономическихъ, Куссмакера—о музыкѣ, Пастёра—о научномъ описаніи Франціи и пр. На одно изданіе этихъ инструкцій понадобился цѣлый томъ (3-й изъ напечатанныхъ Шармомъ) въ 637 стр.

²⁾ См. статистическую таблицу изданій комитета во II т. р. 376—383.

³⁾ II, р. 385.

